

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-123-134

УДК 811.111

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ
ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ
Б. ДЖОНСОНА И Д. КОРБИНА)**

Ладонина Н.А.

Цель. *Статья посвящена актуальной теме – языковым особенностям реализации стратегии негативной вежливости в политическом дискурсе. Предметом анализа выступают речевые тактики, позволяющие реализовать указанную коммуникативную стратегию в английском языке.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования составляет – теория вежливости в сочетании со стратегическим подходом к изучению коммуникативно-прагматических характеристик современного политического дискурса.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что автор, исходя из понятия вежливости как национально-специфической коммуникативной категории, дифференцирует феномены «позитивная вежливость» и «негативная вежливость». Автор приходит к выводу, что реализация стратегии негативной вежливости в современном англоязычном политическом дискурсе осуществляется посредством специфических речевых тактик (соблюдения речевых формальностей и коммуникативной дистанции; намеренной неопределенности и расплывчатости высказываний; противопоставления собственных достижений негативным ожиданиям оппонента; демонстрации успеха в выполнении своих обещаний; самопрезентации).*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в разработке языкового инструментария, позволяющего эффективно доносить политические идеи.*

Ключевые слова: негативная вежливость; позитивная вежливость; политический дискурс; коммуникативная стратегия; речевая тактика.

NEGATIVE POLITENESS STRATEGY IMPLEMENTATION IN THE MODERN POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF SPEECHES BY B. JOHNSON AND D. CORBYN)

Ladonina N.A.

Purpose. *The article is devoted to a topical issue of the use of particular linguistic features of the negative politeness strategy implementation in the political discourse. The subject of the analysis is the speech tactics that allow putting this communicative strategy into operation in the English language.*

Methodology. *The research is based on the theory of politeness combined with the strategic approach to the study of communicative and pragmatic characteristics of the modern political discourse.*

Results. *The results of the study are that the author, defining the concept of politeness as a national-specific communicative category, differentiates the phenomena of “positive politeness” and “negative politeness”. The author comes to the conclusion that the implementation of the negative politeness strategy in the modern English-language political discourse is carried out through specific speech tactics (such as compliance with speech formalities and communicative distance; deliberate uncertainty and vagueness of statements; contrasting of speaker’s achievements to his opponent’s negative expectations; demonstration of success in fulfilling the promises; self-presentation).*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the search of the specific language tools that allow conveying political ideas effectively.*

Keywords: *negative politeness; positive politeness; political discourse; communication strategy; speech tactics.*

За последние десятилетия значительно выросло количество исследований в различных областях лингвистики, объектом внимания которых выступает речевая коммуникация как стратегический процесс, определяемый необходимостью выбора оптимальных языковых инструментов [4]. Особый интерес, на наш взгляд, представляет коммуникативная стратегия вежливости. В отечественной лингвистике она обычно трактуется как национально-специфическая коммуникативная категория, охватывающая систему ритуализированных моделей речевого поведения, направленных на бесконфликтное общественно-нормированное общение в ходе установления, поддержания и завершения межличностных контактов [см., например, 2; 7]. Сам термин «вежливость» используется для описания позитивного и ненавязчивого по отношению к другим поведения, а также как степень соответствия действий адресанта, в первую очередь речевых, ожиданиям адресата.

Феномен вежливости стал популярным объектом исследований в рамках различных дисциплин и направлений, включая социолингвистику, социальную антропологию, культурологию, социологию, коммуникативную лингвистику, психологию, гендерные исследования и др. благодаря публикации книги П. Браун и С. Левинсона «Politeness: Universals in Language Usage» [13]. В 2005 г. столь пристальный интерес даже позволил основать специализированный рецензируемый журнал «Journal of Politeness Research: Language, behaviour, culture», предоставивший научную платформу для публикации результатов наиболее интересных исследований проявления вежливости. Однако до сих пор можно отметить существование различных определений и подходов в изучении данного феномена. Так, Г. Хельд, например, отмечает, что вежливость может пониматься как специфический тип языковой структуры, которая выражает отношение говорящего, и поэтому не может быть объяснена семантическими средствами, а скорее прагматическими [14, p. 133]. Г. Юл, в свою очередь, замечает, что языковое взаимодействие неотделимо от социального взаимодействия, поскольку участники коммуникации не просто передают друг другу информационные

сообщения, но делают это, соблюдая определенные социальные правила и дистанцию. Под социальными правилами Г. Юл подразумевает как внешние, установленные до разговора, факторы, как, например, статус его участников, так и внутренние параметры, принятые во время разговора, включающие степень дружелюбия или навязывания своей точки зрения и т.д. [15].

Особую роль в теории вежливости играют понятия «позитивная вежливость» и «негативная вежливость». Позитивная вежливость – это речевое поведение, сигнализирующее о том, что говорящий хочет, либо нуждается, либо ценит то же самое, что и слушающий. Негативная вежливость – это речевое поведение, которое сигнализирует о том, что говорящий признает основное право адресата на беспрепятственные действия и автономию [13, р. 2]. Как отмечает Д.Ю. Ивановский, стратегия позитивной вежливости нацелена на достижение компромисса. В силу этого, она ориентирована на выбор безопасной неконфликтной тематики, поиск точек соприкосновения, преувеличение положительной оценки (похвалу, лесть и т.д.) и демонстрацию повышенного интереса к собеседнику и к предмету обсуждения [3]. Негативная вежливость, или, как предлагает называть ее Т.В. Ларина, «вежливость отдаления» [7, с. 88], в свою очередь, основана на речевом «самоограничении» коммуникантов, то есть выступает в качестве своеобразного инструмента для выражения формальности, сдержанности и дистанции между адресатом и адресантом. И хотя, по мнению основоположников теории вежливости П. Брауна и С. Левинсона, и позитивный, и негативный варианты вежливости помогают раскрывать многие механизмы человеческих взаимоотношений, негативная вежливость играет более значимую роль [13].

Противопоставляя позитивную вежливость негативной, нельзя забывать о социо- и лингвокультурном аспектах данного феномена, поскольку, как отмечает Ш. Блум-Кулка, существует целый ряд так называемых «*negative politeness oriented societies*» – обществ, ориентированных на негативную вежливость (здесь и далее перевод наш – Н.Л.), к которым она относит, например, Японию и Англию

[11, с. 140]. Как считают, П. Браун и С. Левинсон для реализации стратегии негативной вежливости в английском языке характерно применение таких коммуникативных тактик как тактика прямолинейности (англ. *be direct*), тактики избегания предположений (англ. *don't presume/assume*) и принуждений (англ. *don't coerce H*), коммуникация на основании доброй воли (без посягательств) (англ. *communicate want not to impinge on H*) и тактика удовлетворения пожеланий адресанта (англ. *redress other wants of H*) [13].

На наш взгляд, в английском языке наиболее интересным «плацдармом» для реализации стратегии негативной вежливости можно считать политический дискурс как особую знаковую систему национального языка [5; 6]. Нас заинтересовало, какие именно коммуникативные тактики реализации стратегии негативной вежливости характерны для современного англоязычного политического дискурса. С этой целью мы провели анализ блока “*Prime Minister's Questions*” (вопросы к премьер-министру) одного из заседаний британского парламента от 23 октября 2019 г., в ходе которого нынешний премьер-министр Великобритании Борис Джонсон вступает в коммуникативную «схватку» с лидером Лейбористской партии и оппозиции Джереми Корбином [12].

В рассмотренном нами отрывке, красноречиво озаглавленном «*Boris and Corbyn exchange blows over Brexit*» (рус. Борис и Корбин обмениваются ударами из-за Брексита), Б. Джонсон и Д. Корбин, на самом деле, подобно боксерам, поочередно «выходят на ринг», демонстрируя свое несогласие с позицией оппонента. Как мы уже отмечали, негативная вежливость предполагает соблюдение речевых формальностей и коммуникативной дистанции, что вполне соответствует правилам выступления членов английского парламента. Поэтому, отвечая на реплики оппонента, каждый из ораторов использует указанную коммуникативную тактику и обращается только к спикеру парламента Хойлу Линдсею. Например: *Mr. Speaker, it is this government and this party that delivers on the mandate of the people* (рус. Господин спикер, именно это правительство и эта партия выполняют наказания нашего народа).

Более того, они полностью избегают упоминания имен друг друга. Д. Корбин называет Б. Джонсона исключительно *the Prime Minister* (рус. премьер-министр) либо использует личное местоимение *he* (рус. он). Б. Джонсон, в свою очередь, демонстрирует гораздо большую «изобретательность» и, помимо местоимения *he*, использует по отношению к оппоненту такие эпитеты как *The Right Honourable Gentleman* (рус. distinguished gentleman), «*a threat to our United Kingdom on the labor front bench*» (рус. угроза нашему Соединенному Королевству на парламентской скамье лейбористской партии), «*somebody who campaigned to break up the Union of Great Britain and Northern Ireland by his support of the IRA*» (рус. кто-то, кто выступал за разрушение союза Великобритании и Северной Ирландии, поддерживая Ирландскую республиканскую армию), «*somebody who wants to spend the whole of the next year in a referendum not just on the EU, for another referendum on Scotland*» (рус. кто-то, кто хочет провести весь следующий год, устраивая референдум не только по ЕС, но и еще один референдум по Шотландии) и др., что является примером еще одного тактического приема в рамках стратегии негативной вежливости – намеренной неопределенности и расплывчатости высказываний. Похожую расплывчатость в высказываниях Б. Джонсона можно обнаружить и в других блоках его выступления. Например: *Mr. Speaker, I don't think we could have been clearer yesterday in our commitment to have the highest possible standards for workers' rights, for environmental standards* (рус. Господин спикер, я не думаю, что возможно продемонстрировать еще большую нацеленность на принятие самых высоких стандартов прав трудящихся и экологических стандартов, чем это сделали мы вчера).

В ходе своего выступления Д. Корбин подвергает резкой критике правительственный законопроект о выходе Великобритании из Евросоюза, назвав его «хуже, чем чудовищным договором» (англ. *worse than terrible treaty*). Чтобы ответить на этот выпад и продемонстрировать его несостоятельность, Б. Джонсон применяет весьма эффективную коммуникативную тактику – тактику проти-

вопоставления собственных достижений негативным ожиданиям оппонента, обратившись к стилистическому приему синтаксического параллелизма: «*They said that **we couldn't** open the withdrawal agreement **and we did**. They said **we couldn't** get rid of the backstop **and we did**. They said **we couldn't** get a new deal **and we did**. And then they said that **we never** get it through Parliament **and they did their utmost** to stop it going through Parliament. And we've got it through Parliament last night, Mr. Speaker» (рус. Они сказали, что мы не сможем запустить соглашение о выходе, а мы сделали это. Они сказали, что мы не можем избавиться от «бэкстопа» (поддержки пребывания Северной Ирландии в составе Таможенного союза ЕС), а мы это сделали. Они сказали, что мы не сможем заключить новую сделку, а мы заключили. И тогда они сказали, что мы никогда не сможем провести ее через парламент, и сделали все возможное, чтобы остановить ее прохождение через парламент. Но мы провели ее через парламент вчера вечером, господин спикер).*

Далее, чтобы закрепить свой ораторский успех, Б. Джонсон применяет тактику демонстрации успеха в выполнении своих обещаний, вновь воспользовавшись приемом синтаксического параллелизма: «***We said** that we will put 20,000 more police officers on the streets of this country **and we have**. **We said** we'd update 20 hospitals **and we have**. **We said** we'd upgrade, we'd uplift education funding around the whole country ever and more, **and even more than that**, Mr. Speaker, **we are** increasing the minimum wage by the biggest amount since its inception» (рус. Мы сказали, что выставим еще 20 000 полицейских на улицы страны, и мы это сделали. Мы сказали, что обновим 20 больниц, и мы сделали это. Мы сказали, что будем еще больше повышать финансирование образования по всей стране, и более того, господин спикер, мы увеличиваем минимальную заработную плату на самую большую сумму с момента введения).*

Чтобы добавить весомости своим высказываниям, премьер-министр вновь прибегает к стилистическому приему синтаксического параллелизма и в конце каждого информационного блока своего выступления применяет коммуникативную тактику самопрезент-

тации и постулирует неоспоримый успех правящей партии консерваторов, кабинета министров и себя лично, как члена партии и главу правительства: «*And this is the party, this is the government that delivers on its promises*» (рус. И это та партия, это то правительство, которое выполняет свои обещания); «*This is the party, Mr. Speaker, that delivers on Brexit and delivers on the priorities of the British people*» (рус. Это та партия, господин спикер, которая выполняет обещания по Брекситу и обеспечивает приоритеты британского народа).

Таким образом, нам удалось установить, что реализация стратегии негативной вежливости в рамках современного англоязычного политического дискурса может осуществляться посредством таких коммуникативных тактик как тактика соблюдения речевых формальностей и коммуникативной дистанции, тактика намеренной неопределенности и расплывчатости высказываний, тактика противопоставления собственных достижений негативным ожиданиям оппонента, тактика демонстрации успеха в выполнении своих обещаний и тактика самопрезентации.

Список литературы

1. Бодрова А.А., Коробова Н.В. Коммуникативные стратегии разрешения конфликта (на материале английского языка) // Вестник ЧелГУ. 2011. № 8. С. 15–18.
2. Гончарова О.В., Халеева С.А. Некоторые особенности реагирования на проявление коммуникативной агрессии в англоязычных мусульманских чатах (на примере женских ответных реплик) // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования Материалы III международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2019. С. 19–26.
3. Ивановский Д.Ю. Характеристика англоязычного общения с точки зрения универсальной теории вежливости // Университетские чтения – 2008. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/03d/uch_2008_vii_00005.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
5. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Коммуникативные тактики самопрезентации политического деятеля (на примере публичного выступления Терезы Мей) // *Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. Межвузовский сборник научных трудов*. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 41–48.
6. Кауфова Л.А. Лингвистические особенности британского политического дискурса // *Университетские чтения – 2015: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть II*. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 106–110.
7. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 507 с.
8. Пугачева О.В. Условия успешности речевого акта и стратегии поведения в условиях коммуникативного дискомфорта // *Вестник НовГУ*. 2008. № 47. С. 93–96.
9. Радюк А.В. Коммуникативные стратегии как способ манипулятивного речевого воздействия в английском деловом дискурсе // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2013. № 4. С. 181–190.
10. Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // *Филологические науки*. 2001. № 3. С. 56–65.
11. Blum-Kulka Sh. Indirectness and politeness in requests: same or different? // *Journal of Pragmatics*. 11. (1987), pp. 131–146.
12. Boris and Corbyn exchange blows over Brexit. URL: <https://youtu.be/iIIRKPGgX58> (дата обращения: 15.11.2019).
13. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. 17th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (1978). 345 p.
14. Held G. *Politeness in linguistic research* // *Politeness in language: Studies in its history, theory and practice*. Edited by R. Watts, S. Ide, & K. Ehlich. Berlin: Mout De Gruyter. 1992, pp. 131–153.
15. Yule G. *Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press. 1996. 138 p.

References

1. Bodrova A.A., Korobova N.V. Kommunikativnye strategii razreshenija konflikta (na materiale anglijskogo jazyka) [Communicative Conflict Resolution Strategies (based on English)]. *Vestnik ChelGU*. 2011. № 8, pp. 15–18.
2. Goncharova O.V., Haleeva S.A. Nekotorye osobennosti reagirovanija na pojavlenie kommunikativnoj agressii v anglojazыchnyh musul'manskikh chatah (na primere zhenskikh otvetnyh replik) [Certain Features of the Response to the Manifestation of Communicative Aggression in English-Speaking Muslim Chats (on the Example of Female Responses)]. *Jazyk i kul'tura v jepohu integracii nauchnogo znanija i professionalizacii obrazovanija Materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Language and culture in the era of the integration of scientific knowledge and the professionalization of education Materials of the III international scientific and practical conference]. 2019, pp. 19–26.
3. Ivanovskij D.Ju. Harakteristika anglojazыchnogo obshhenija s točki zrenija universal'noj teorii vezhlivosti [Characteristics of English-Speaking Communication in Terms of the *Universal Theory of Politeness*]. *Universitetskie chtenija – 2008. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGLU* [University readings – 2008. Materials of scientific and methodical readings of PSLU]. https://pglu.ru/upload/iblock/03d/uch_2008_vii_00005.pdf.
4. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Izd. 5. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 p.
5. Kaufova I.B., Kaufova L.A. Kommunikativnye taktiki samoprezentacii politicheskogo dejatelja (na primere publichnogo vystuplenija Terezy Mej) [Communicative Tactics of Self-Presentation of a Politician (on the Example of a Public Speech by Theresa May)]. *Raznourovnevyje cherty jazykovyh i rechevyh javlenij. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Multilevel features of linguistic and speech phenomena. Interuniversity collection of scientific papers]. Pjatigorsk: PGU, 2018, pp. 41–48.

6. Kaufova L.A. Lingvističeskie osobennosti britanskogo političeskogo diskursa [Linguistic Features of British Political Discourse]. *Universitetskie čtenija – 2015: Materialy naučno-metodičeskikh čtenij PGLU* [University readings - 2015: Materials of scientific and methodical readings of PSLU]. Part II. Pjatigorsk: PGLU, 2015, pp. 106–110.
7. Larina T.V. *Kategorija vezhlivosti i stil' kommunikacii: sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnyh tradicij* [Politeness Category and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions]. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 507 p.
8. Pugacheva O.V. Uslovija uspeshnosti rečevogo akta i strategii povedenija v uslovijah komunikativnogo diskomforta [Speech Act Success Conditions and Behavior Strategies in the Context of Communicative Discomfort]. *Vestnik NovGU*. 2008. № 47, pp. 93–96.
9. Radjuk A.V. Kommunikativnye strategii kak sposob manipuljativnogo rečevogo vozdejstvija v anglijskom delovom diskurse [Communicative Strategies as a Way of Manipulative Speech Exposure in the English Business Discourse]. *Vestnik LGU im. A.S. Puškina*. 2013. № 4, pp. 181–190.
10. Trufanova I.V. O razgranichenii ponjatij: rečevoj akt, rečevoj zhanr, rečevaja strategija, rečevaja taktika [On the Differentiation of Concepts: Speech Act, Speech Genre, Speech Strategy, Speech Tactics]. *Filologičeskie nauki*. 2001. № 3, pp. 56–65.
11. Blum-Kulka Sh. Indirectness and politeness in requests: same or different? *Journal of Pragmatics*. 11. (1987), pp. 131–146.
12. Boris and Corbyn exchange blows over Brexit. URL: On the differentiation of concepts: speech act, speech genre, speech strategy, speech tactics. <https://youtu.be/IiIRKPGgX58>
13. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. 17th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (1978). 345 p.
14. Held G. Politeness in linguistic research. *Politeness in language: Studies in its history, theory and practice*. Edited by R. Watts, S. Ide, & K. Ehlich. Berlin: Mout De Gruyter. 1992, pp. 131–153.
15. Yule G. *Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press. 1996. 138 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ладонина Наталья Александровна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат исторических наук
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)»
ул. Николаева, 44, г. Владикавказ, РСО-Алания, 362021, Российская Федерация
natasha-ladonina@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ladonina Natalia Alexandrovna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, candidate of Historical Sciences
North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University), NCIMM (STU)
44, Nikolayev St., Vladikavkaz, RSO-Alania, 362021, Russian Federation
natasha-ladonina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7959-4339